Поставив две тарелки на стол, он сел, помог Фелиции со стулом. Конечно, он был джентльменом.

Взяв ложку с жареным рисом, она взяла его еще горячим, забыв, что он был обжигающе горячим со сковороды. Только что она комично дышала, чтобы остудить его, и уже наполовину подавилась.

"Он все еще свежий со сковороды, гений". сказал Макс, беря ложку и дуя на нее, чтобы остудить.

Фелиция полуобернулась к нему, когда он протянул свою ложку. "Скажи Ааа..."

Она моргнула пару раз, прежде чем почти покраснела от пошлости ситуации. Но она не возражала. Она открыла рот, принимая его.

Теперь, когда еда была в меру теплой, она могла насладиться ее вкусом. Она уже упоминала, что его еда была великолепна? И, Боже, так оно и было. Она почти почувствовала себя маленькой девочкой, когда отец кормил ее с ложечки. Не лучшее сравнение, но она почувствовала ностальгию. При мысли о нем ей стало немного грустно. На ее лице появилось подавленное выражение.

"Тебе это не нравится?" спросил он, наклонившись наполовину священно.

"О, нет. Я имею в виду, это вкусно". Она слабо улыбнулась.

Прошло немного времени, ужин был почти закончен, по пути было переброшено несколько шуток. Это было действительно весело. Она должна делать это часто.

Отнеся тарелки в раковину, Макс вымыла их. Она никогда не говорила, как ей это нравится.

Когда он вытирал последнюю тарелку, он почувствовал, что за подол его одежды кто-то дергает. Повернув голову, он был застигнут врасплох, когда к его губам прильнула Фелиция. 'Где паучий нюх, когда он так нужен?'

С широко раскрытыми глазами он почувствовал нечто, к чему не был привычен. Это был голод, но в другом, так сказать, смысле.

Макс не знал, что произошло, но ощущение было такое, словно он принял наркотик или что-то вроде того. Усик удерживал сухую тарелку на своем месте, в то время как Макс полностью развернулся всем телом, схватив кошку, которая наполовину задохнулась от поцелуя.

Положив одну руку ей на голову, а другую на бедра, он прижал ее к себе достаточно близко,

чтобы почувствовать ее тепло, когда ее грудь прижалась к его груди. Теперь он даже мог слышать биение ее сердца. Он опустил свое тело, когда они обменивались слюной, а между их языками шла ожесточенная борьба. В следующее мгновение Фелиция, оттолкнув его, почти задыхалась.

Она вдыхала и выдыхала из-за нехватки кислорода, она сильно задыхалась. Она не знала, как быстрый поцелуй в губы превратился во французскую кухню.

"Мне жаль". сказал Макс, он явно перешел границы дозволенного. И дело в том, что он даже не контролировал себя. 'Ни хрена себе Шерлок. Я думал, что только мои проблемы с гневом были симбиотической проблемой, а теперь у меня еще и проблема со зверьком в тепле. Надеюсь, она тебя не зарежет или, того хуже, не выгонит".

Фелиция чуть не набросилась на него, но, глядя на его извиняющееся лицо, ей стало не по себе. Она не могла ничего сделать, кроме как вздохнуть.

"Не надо. Никогда. Не делай. этого." Она произнесла каждое слово раздельно, чтобы было понятно. И она все еще хватала ртом воздух.

Плечи Макса ссутулились. Что ж, могло быть и хуже.

Глядя на него, Фелиция почувствовала узел в животе, опять эти чертовы бабочки. В прошлый раз, когда они пришли, они оставили ее жизнь в беспорядке.

Но опять же, это она была инициатором, а теперь обвиняла его. Лицемерка. Ее сердце все еще бешено колотилось из-за внезапного прилива интимной активности.

"Вот черт!" - выругалась она.

Прежде чем Макс успел открыть рот, чтобы извиниться, его губы снова были зажаты. На этот раз она взяла инициативу на себя. К счастью, их разница в росте была невелика, и она смогла оттеснить его к кухонной стойке, пока ее язык атаковал его.

Схватив его за волосы, она опустила его, чтобы лучше захватить его. Она почти чувствовала, как тело Макса тает, буквально тает. Принятие человеческой формы отнимало у него часть концентрации. Но теперь и это ускользало. Поэтому Макс изо всех сил старался не потерять форму тела, это бы ничем хорошим не закончилось.

Фелиция Харди должна была сделать заявление. Она не собиралась уступать Максу, ни одного поцелуя, не меньше. Когда она отстранилась, они оба выпустили пар изо рта. Это была агрессивная битва. Ниточка слюны все еще соединяла их, когда они хватали ртом воздух.

"Зачем играть с моими чувствами, женщина". Макс пробормотал - скорее прошептал - ей на

ухо, возбуждая их обоих. Он сдерживал себя, чтобы не сожрать ее до смерти. Каждый раз, когда он смотрел на ее пухлые губы, ему хотелось прильнуть к ним, укусить их, поиграть с ними. И все эти красочные штучки.

Они оба хотели сделать следующий шаг, когда Фелиция отступила, повернувшись назад. "У меня есть дела на завтра. Мне жаль", - последнюю фразу она произнесла шепотом. Ушла в свою комнату и закрыла ее на ключ.

Макс не знал, что произошло, просто стоял пару секунд. Пока его мозг не перезапустился. Выгнала ли она его. Но постояв там пару минут, все стало ясно. Черт! Что он испортил на этот раз?

Возможно, были вещи, которые она не хотела рассказывать, пока не почувствует, что это правильно. Он не собирался давить на нее. Но Максу от этого было не легче. Он все еще хотел заняться ею, провести с ней время, но внезапный отказ был не очень хорошим знаком.

Но опять же, он делал так большую часть времени в своей предыдущей жизни. Наполовину заканчивал дело, возбуждал девушку, а потом бросал ее, так ничего и не сделав. Может быть, это была карма, которая возвращается, или что-то в этом роде, не то чтобы он в это верил. Но, будь проклят Один, он скучал по ее губам.

Он прищелкнул языком от одной мысли об этом. Ему нужно было поспать, может быть, это прояснит ситуацию. А еще, возможно, это исправит его чрезмерную симбиотическую природу. Да, проблема была в недостатке сна. Конечно, это был длинный день.

Внутри своей комнаты Фелиция размышляла о том, что произошло, прислонившись спиной к двери своей комнаты, ее грудь все еще вздрагивала от неровного дыхания.

По крайней мере, она остановила себя, но при этом, должно быть, причинила боль Максу. Но она знала, что если откроет дверь, то не сможет остановиться. Может быть, это было к лучшему.

Прости... прости Макс. Я просто не могу...

Болезненные воспоминания, которых она избегала долгие годы, нахлынули на нее. Когда слезы потекли по ее лицу, она начала садиться, опираясь спиной на дверь. Она кусала ногти, расстроенная. Подтянув колени ближе, она свернулась в клубок, не рыдая и не всхлипывая. Но она чувствовала себя плохо.

Она не хотела снова вспоминать те болезненные воспоминания. Может быть, пришло время сделать следующий шаг в их отношениях. Даже если это слишком рано. Однажды ее предали и обидели, и она не хотела снова пройти через этот опыт.

http://tl.rulate.ru/book/48006/1548987